

Научная статья

УДК 165.1

DOI DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-5-14

Не-идеальная эпистемология и эхо-камеры

Александр Анатольевич Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Аннотация

На примере эпистемических эхо-камер рассмотрены особенности закрытых информационных сообществ – как их пороки, так и выполняемые ими познавательные и социальные функции. Особое внимание уделено попыткам превратить очевидные недостатки (такие как изолированность, некритическое отношение к контраргументам, предвзятость) в преимущества, обеспечивающие в определенных случаях защиту и доступ к информации маргинализированным сообществам. Такая смена фокуса предполагает отказ от идеализированных нормативных представлений о субъекте и процессе познания. Вместо этого используется набирающий популярность подход – «не-идеальная эпистемология». Сформулировано предположение о том, что не-идеальная эпистемология является наиболее радикальной и «честной» формой социальной эпистемологии, так как не просто постулирует определенную зависимость субъектов познания от социальных контекстов, но и допускает существенную ревизию эпистемических обязательств в зависимости от социального статуса и положения.

Ключевые слова

субъект познания, процесс познания, эпистемическое сообщество, эпистемическая нормативность, эпистемические «пузыри» и камеры, эпистемические обязательства

Для цитирования

Шевченко А. А. Не-идеальная эпистемология и эхо-камеры // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 2. С. 5–14. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-5-14

Non-ideal epistemology and echo chambers

Alexander A. Shevchenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Abstract

Considering the phenomenon of epistemic echo chambers the paper analyses the features of closed knowledge communities, both their disadvantages and cognitive and social functions. Particular attention is paid to the attempts to treat their obvious flaws (such as isolation, dismissal of counter-arguments, prejudice) as advantages that, in certain cases, provide protection and access to information for marginalized communities. This change of focus implies a rejection of idealized normative understanding of epistemology. Instead, some of the provisions of the so-called “non-ideal epistemology” are used. It is suggested that non-ideal epistemology is the most radical and “honest” form of social epistemology, since it not only postulates a certain dependence of epistemic subjects on various social contexts, but also allows for a substantial revision of epistemic obligations depending on the social status and position.

Keywords

subject of knowledge, cognitive process, epistemic community, epistemic normativity, epistemic bubbles and chambers, epistemic obligations

For citation

Shevchenko A.A. Non-ideal epistemology and echo chambers. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 2, p. 5–14 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-5-14

От *homo sapiens* мы обычно ожидаем не только разумного, но и рационального поведения. Императивы рациональности строже и сильнее, хотя и находятся в довольно широком диапазоне – от слабых, таких как интенциональность и способность к мотивированному выбору, до сильных, которые в теоретической области связываются с требованиями логики и научной методологии, а в сфере практического поведения располагаются в диапазоне от оптимальности до включения этического в сферу рационального. Тема рационального поведения важна для нас потому, что проблемное поле эпистемологии в том числе можно трактовать как «совокупность процессов и механизмов принятия решений в условиях неопределенности» [Begby, 2021, p. 43]. Регулятивами для такого принятия решений выступают эпистемические нормы. А они, в свою очередь, основываются на ряде предпосылок как о природе познающего субъекта, так и характеристиках процесса познания. В данной статье мы рассматриваем поведение людей в сообществах, которое (с точки зрения традиционной эпистемологии и нормативных поведенческих моделей) обычно считается нерациональным. Хотя люди часто ведут себя нерационально, самые сложные случаи возникают в связи с сознательным нарушением требований рациональности.

Первая проблемная ситуация – это общий разрыв между нормативными поведенческими моделями и реальным поведением. Примеры таких разрывов легко обнаруживаются во многих областях. В экономике, например, это расхождение между моделью идеального актора, которая предполагает полную рациональность экономических агентов, обладание полнотой информации и обязательное стремление к максимизации полезности (utility). В то же время поведенческая

экономика, изучающая поведение реальных экономических агентов, признает, что люди ведут себя нерационально, зависимы от различных социальных контекстов и эффектов, подвержены социальному давлению и зачастую пытаются не столько максимизировать полезность, сколько минимизировать ущерб и избежать риска, предпочитая синицу в руках журавлю в небе. При этом выбор стратегии поведения далеко не всегда включает расчет вероятности того или другого курса действий. Аналогичный разрыв можно наблюдать в сфере политики – между моделью идеального избирателя и реальным поведением людей на выборных участках, которое может определяться преобладанием эмоциональных факторов, некритическим восприятием пропаганды, «эффектом безбилетника» и множеством других факторов.

Другая проблемная ситуация, которая нас и будет интересовать, связана с полным и принципиальным отрицанием общепризнанных фактов, теорий или позиций и конструированием альтернативных научных или конспирологических объяснительных схем. Эта проблема проявляется, например, в *science denialism* – феномене отрицания науки в современном западном обществе (см., например, [Specter, 2009]). Отрицание науки – это отказ от научных концепций, доказательств или теорий в пользу личных убеждений, предубеждений, идеологических или конспирологических конструкций. Примеры общеизвестны: отрицание изменения климата, движения противников вакцинации, споры о влиянии курения на здоровье, попытки создания «альтернативной» истории и др. При этом сторонники «отрицания науки», как правило, действуют не в одиночку, а формируют различные тематические сообщества, чему весьма способствует распространение современных сетевых технологий.

Однако и отрицание науки – лишь частный случай более общего феномена, суть которого в объединении людей в закрытые информационные сообщества, отказе не только воспринимать общеизвестные факты, но и в активном им противодействии. Такое явление в современной эпистемологии получило название «эхо-камеры». При всей, казалось бы, очевидной ущербности такого поведения оно требует прежде всего объяснения и понимания, хотя бы по причине его распространенности и устойчивости. Объяснять его можно в рамках набирающих популярность представлений о так называемой «не-идеальной» эпистемологии с акцентом на тех позитивных функциях, которые играют эхо-камеры в познавательной активности и на тех преимуществах, которые может давать субъектам познания нахождение в таких социальных и познавательных пространствах (см., например, [Campbell, 2023]). Цель заключается не в оправдании «нерационального поведения», но в выявлении резонансов, которые его поддерживают и воспроизводят, а также в попытке понять, какие эпистемические выгоды получают люди, выбирающие эхо-камеры в качестве комфортного познавательного и социального пространства.

Традиционная и не-идеальная эпистемология

Традиционная эпистемология делает акцент на идеальных, точнее идеализированных условиях работы со знанием. Основные предпосылки традиционной,

«идеальной» эпистемологии – полная рациональность субъекта, полнота информации, отсутствие когнитивных предубеждений и предрассудков. Однако такие эпистемические нормы, основанные на идеализированных моделях рациональности, нередко оказываются плохо применимыми в реальных ситуациях выбора. Так, например, требование принимать на веру только то, для чего имеются достаточные свидетельства, предполагает доступ к полной и непредвзятой информации, что нередко оказывается невозможным в реальных условиях. Требование быть готовым к изменению своих убеждений, сталкиваясь с контраргументами или противоположными свидетельствами, может оказаться трудно выполнимым при наличии глубоко укорененных предрассудков, социального давления или ограниченных когнитивных, временных или материальных ресурсов. Признание подобных ограничений требует признания ограниченности идеальных моделей, а также выработки более реалистичных и эффективных подходов к принятию решений в разных областях. Один из путей – принятие «не-идеальной» эпистемической перспективы (см., например, [Begby, 2021; McKenna, 2023]).

В самом общем виде «не-идеальная» эпистемология представляет собой, пожалуй, самую радикальную или, можно сказать, самую честную форму социальной эпистемологии. В ее рамках мы не просто признаем некоторую общую зависимость субъектов познания от самых разных социальных контекстов, а также неизбежную зависимость одних субъектов познания от других, сохраняя при этом ориентацию на идеализированные представления как о субъектах, так и о процессах познания. «Не-идеальная» эпистемология предполагает самое серьезное отношение к социальным статусам или субъектам познания, признавая (самое главное), что эти позиции и статусы могут существенно менять и локализовать эпистемические обязательства таких субъектов, зачастую радикально меняя шкалу приоритетов этих обязательств или порождая новые. В качестве примера можно привести феминистскую эпистемологию, в рамках которой проблематизируется ряд ключевых положений эпистемологии «идеальной» или классической. Это, прежде всего, сомнения в самой возможности объективного знания, отрицание привилегированного положения разума над чувствами и эмоциями, акцент на важности реального жизненного опыта, особенно опыта маргинализированных групп, и ряд других положений, задающих нормативные эпистемические модели, во многом альтернативные классической. Вполне естественно, что при такой смене базовых ориентаций существенно меняется и общий эпистемический фокус. Так, например, одной из центральных становится тема эпистемической справедливости и соответствующих эпистемических обязательств (см.: [Fricker, 2009]).

Эхо-камеры как социальные и познавательные пространства

Современное информационное пространство, особенно сетевое, сильно фрагментировано и поляризовано. Этому во многом способствуют алгоритмы социальных сетей, которые на основе имеющихся у нас предпочтений предлагают друзей, информацию или близкие по взглядам сообщества. В результате люди постепенно оказываются в замкнутом информационном пространстве, где по-

вторяются и усиливаются уже существующие убеждения, а альтернативные точки зрения игнорируются или подавляются.

Выделяют две разновидности такой среды: «эпистемические пузыри» и эхо-камеры (см.: [Ngyuen, 2020; Грачев, 2023]). «Пузыри» представляют собой замкнутые информационные среды, в которых люди ограждены от альтернативных идей посредством умолчания (*omission*). Противоречащая их убеждениям информация до них просто не доходит. Это может происходить за счет целенаправленного отбора источников информации или алгоритмической фильтрации. Последняя, как известно, широко применяется в социальных сетях, ограждая нас от нежелательных источников информации. Вторая разновидность такого замкнутого информационного пространства – эхо-камеры. Они представляют собой сообщества, в которых альтернативные взгляды не просто отсутствуют или игнорируются, а активно вытесняются или дискредитируются. Хотя члены сообщества знают о существовании противоположных взглядов, они не доверяют тем, кто находится за пределами эхо-камеры, что подкрепляет и усиливает уже существующие убеждения. Именно в активном отрицании подавлении или дискредитации «противных» точек зрения и состоит отличие эхо-камер от эпистемических пузырей. Характерным признаком является и жесткая поляризация позиций внутри таких сообществ. «Эхо-камеры построены на жестком принципе различия “свой – чужой”, осуществляя жесткий эпистемический контроль над состоянием умов и формируя специальные структуры противодействия и разоблачения авторитетных мнений представителей оппозиции...» [Бажанов, 2022, с. 156].

Один из инициаторов дискуссии об эпистемических пузырях и эхо-камерах, Тхи Нгуен предлагает более богатое понимание пространства эхо-камер, делая акцент на психологии таких групповых сообществ и межличностном взаимодействии участников друг с другом, а не только на их отношении к информации. «Я использую термин “эхо-камера” для обозначения эпистемического сообщества, которое создает значительную диспропорцию в доверии между членами и не-членами. Это неравенство создается путем исключения не-членов сообщества посредством эпистемической дискредитации, одновременно усиливая эпистемические полномочия членов-инсайдеров. Наконец, эхо-камеры таковы, что общее согласие с некоторым основным набором убеждений является предварительным условием для членства, где эти основные убеждения включают убеждения, которые поддерживают различие в доверии» [Ngyuen, 2020, p. 146].

Оба этих феномена (эпистемические пузыри и эхо-камеры) имеют очевидные негативные последствия. Эпистемические пузыри могут приводить к чрезмерной уверенности в своих убеждениях вследствие искусственно организованного консенсуса и отсутствия независимых источников внутри пузыря. Они также ведут к неполноте знаний из-за ограниченного доступа к разнообразной информации. В случае с эхо-камерами ситуацию усугубляет круговая порука и активная дискредитация источников, противоречащих уже существующим убеждениям. Это ведет к эпистемической изоляции, затрудняя пересмотр убеждений даже при столкновении с противоположными свидетельствами. Эхо-камеры не только способствуют искаженному восприятию, как в случае с эпистемическими пузырями. Внутри эхо-камеры информация фильтруется таким образом, что она

подтверждает и усиливает уже существующие (пред)убеждения, что и создает «эхо-эффект». Эхо-камеры, в частности, усиливают когнитивные искажения, такие как «предвзятость подтверждения» (*confirmation bias*), когда люди склонны искать и интерпретировать информацию, подтверждающую их мнение, игнорируя противоречащие данные. Социальные негативные последствия включают поляризацию общества, усугубляя разрыв между группами с разными убеждениями и затрудняя диалог и взаимопонимание. Постоянное подтверждение существующих убеждений ведет к снижению уровня критического мышления и способности к объективной оценке информации. Здесь можно вспомнить пример Л. Витгенштейна с утренней газетой, в котором он описывает человека, который убеждает себя в истинности какого-то положения, читая несколько экземпляров одной и той же газеты. «Разве мысленный образ расписания мог бы подтвердить правильность первого воспоминания, если бы он сам не подлежал проверке на правильность? Это было бы равноценно тому, что кто-то купил множество экземпляров сегодняшней утренней газеты, чтобы удостовериться, пишет ли она правду» (1.265) [Витгенштейн, 1994, с 176]. Понятно, что такая «эпистемическая работа» не увеличивает достоверность получаемой информации.

Плохие и хорошие эхо-камеры

При все очевидной ущербности такой замкнутой информационной и познавательной среды рассмотрим теперь возможные стратегии в защиту эхо-камер. Можно выделить две линии защиты эхо-камер и, соответственно, находящихся в них членов таких сообществ. Первая линия защиты состоит в утверждении, что сами по себе, по своей сути эхо-камеры не являются эпистемически проблематичными. Так, Дженнифер Лэки определяет эхо-камеры как замкнутые системы, в которых единомышленники делятся мнениями и укрепляют их, часто через социальные сети, а несогласные голоса отсутствуют или заглушаются (см.: [Laskey, 2021]). При этом Дж. Лэки рассматривает два основных критических замечания в адрес эхо-камер. Первое состоит в том, что эхо-камеры создают ложное ощущение сильной эпистемической поддержки вследствие отсутствия независимых мнений. Однако она полагает, что индивиды в эхо-камерах все равно могут проявлять автономию в потреблении информации, т. е. фильтровать и оценивать ее, основываясь на собственных убеждениях и критическом мышлении. Второй стандартный контраргумент состоит в том, что отсутствие в эхо-камерах разнообразных точек зрения препятствует ознакомлению с противоположными убеждениями. Признавая ценность разнообразных точек зрения, Дж. Лэки утверждает, что ограничение источников информации может иметь эпистемические преимущества и что, напротив, простое добавление источников без учета их надежности может причинить вред. Дж. Лэки, таким образом, делает вывод о том, что распространенный диагноз эхо-камер как эпистемически проблематичных по своей сути является ошибочным. Хотя эхо-камеры действительно создают проблемы, их структура сама по себе не является главной проблемой. Напротив, реальная опасность кроется в содержании, циркулирующем в этих пространствах, и появлении «не-человеческих» акторов (ботов), которые сильно затрудняют ра-

боту с информацией в Интернете (см.: [Lackey, 2021]). Кроме того, она предлагает оценивать значимость эхо-камер, исходя из их возможности способствовать установлению истины. Согласно такому подходу, эхо-камеры, способствующие истинным убеждениям, полезны, даже если они исключают или дискредитируют инакомыслящих.

Интересный аргумент для сторонников эхо-камер предлагает Андре Бегби, идея которого заключается в том, что заведомое и упреждающее отрицание противоположных убеждений может быть вполне рациональной и эффективной стратегией, предвосхищая и нейтрализуя развитие аргументации оппонента. Он вводит трудно переводимое понятие *evidential preemption* (свидетельское упреждение), когда говорящий не только предлагает свидетельство того, что *p*, но и предупреждает слушателя о том, что другие попытаются убедить его в противоположном мнении. При последующем развитии событий доказательная сила этого предполагаемого контрсвидетельства фактически нейтрализуется. Такое упреждающее пресечение контрдоводов может служить своеобразным аналогом «эпистемической прививки», гарантирующим, что член сообщества не сможет воспользоваться противоположным свидетельством для корректировки своих убеждений (см.: [Begby, 2021, ch. 6]).

Самая, пожалуй, «принципиальная» защитная стратегия состоит в том, чтобы представить известные пороки эхо-камер в виде их преимуществ. Так, Дуглас Кэмпбелл (как и Дж. Лэки) оспаривает сложившееся мнение о том, что онлайн-вые эхо-камеры порочны по своей сути. Но он строит свою аргументацию на том, что пытается общепризнанные недостатки эхо-камер выставить как преимущества или, во всяком случае, показать, что предлагаемые такими сообществами выгоды перевешивают их потенциальные недостатки (см.: [Campbell, 2023]). Так, например, изоляция от «инакомыслящих», по его мнению, может быть полезной, особенно для маргинальных групп или людей, ищущих поддержки своим непопулярным или стигматизированным убеждениям. Онлайн-вые эхо-камеры предоставляют таким своим членам пространство для общения и самовыражения, защищая от враждебного отношения или социального давления. Примерами могут служить группы людей, переживших Холокост, сообщества приверженцев анорексии, а также верующие в плоскую Землю. Признавая потенциальный вред некоторых эхо-камер, Д. Кэмпбелл в то же время призывает понимать и уважать ценность изоляции в некоторых конкретных (эпистемических) контекстах.

Он также отстаивает принцип, называемый «суверенитет потребителя» (*consumer sovereignty*), который позволяет пользователям настраивать свой онлайн-опыт, выбирая контент в соответствии со своими предпочтениями. Этот принцип, хотя и критикуют за то, что он способствует возникновению эхо-камер и поляризации общества, может также расширить возможности пользователей и обеспечить их самостоятельность в выборе информации, которую они считают ценной. Именно этот принцип, по его мнению, и привел, в результате, к появлению эхо-камер в современном информационном пространстве. Лучшей формулировкой этого принципа он считает предсказание, сделанное Биллом Гейтсом в 1995 году: «Естественное продолжение – это персонализированная информация.... Чтобы получать ежедневную порцию новостей, вы можете подписаться

на несколько сервисов по их мониторингу и позволить компьютерной программе или человеку выбирать из них информацию для составления вашей полностью персонализированной “газеты”. Такие подписки, человеческие или электронные, будут собирать информацию, соответствующую определенной философии и набору интересов» [Gates, 1995, p. 167–168].

Принципу «суверенитета потребителя» противостоит еще один трудно переводимый принцип *serendipity*, который поощряет знакомство с разнообразным или непривычным контентом. Хотя основной словарный вариант перевода – «счастливая случайность», в данном контексте будем использовать перевод «разнообразие». По мнению Д. Кэмпбелла, несмотря на ценность разнообразия, этот принцип может быть и вредным, особенно когда подвергает уязвимых людей потенциально опасному контенту. Кроме того, он полагает, что значение его часто «преувеличивают в качестве инструмента для решения проблем эхо-камер» [Campbell, 2023, p. 7]. И, наконец, переоценке подлежит и такой «порок» эхо-камер, как «поляризация» мнений и общества в целом. Признавая негативные аспекты поляризации, когда люди укореняются в своих убеждениях и становятся невосприимчивыми к противоположным точкам зрения, Д. Кэмпбелл считает, что поляризация может быть и полезной для формирования твердых убеждений по важным моральным вопросам, а понимание механизмов поляризации полезно для развития нравственного воспитания и формирования общественных ценностей.

В целом же можно сделать вывод, что позиция защитников эхо-камер сводится не столько к их реабилитации, сколько к более сбалансированному к ним отношению, учитывая ту социальную роль, которую такие закрытые сообщества нередко играют в жизни различных маргинализированных сообществ. Кроме того, в основе аргументации можно обнаружить и ряд фундаментальных принципов. Помимо уже упомянутого принципа «суверенитета потребителя» встречается и апелляция к общеэтическому «принципу уважения», призыв не забывать, что даже в эхо-сообществах люди автоматически не превращаются в пешки, а сохраняют значительную степень индивидуальной автономии, фильтруют и оценивают информацию, основываясь на собственных убеждениях и опыте.

Что касается содержательных рамок «не-идеальной» эпистемологии, то представляется, что эхо-камеры как раз могли бы использоваться в качестве экспериментального объекта для такой теоретической работы. Так, оценивая попытки выработки более сбалансированного отношения к эхо-камерам, А. Бегби формулирует перспективную идею о том, что в эхо-камерах мы имеем дело с особым типом рациональности (см.: [Begby, 2022]). Действительно, в таких сообществах мы наблюдаем очевидные нарушения классических постулатов рациональности – как индивидуальной, так и коллективной, однако, учитывая все приведенные выше резоны и, самое главное, объективные потребности, которые такие сообщества позволяют реализовать, можно осторожно согласиться с тем, что, возможно, здесь мы имеем дело с рациональностью особого типа – социально-эпистемической.

Список литературы

- Бажанов В. А.** Особенности познавательных механизмов в информационную эпоху: «эхо-пузыри» и «эхо-камеры» // *Философский журнал*. 2022. Т. 15. № 4. С. 152–164.
- Витгенштейн Л.** Философские исследования / Л. Витгенштейн. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 74–319.
- Грачев М. Н.** Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // *Российская школа связей с общественностью*. 2023. № 29. С. 41–54.
- Begby E.** From Belief Polarization to Echo Chambers: A Rationalizing Account // *Episteme*. [Online First View]. DOI: 10.1017/epi.2022.14
- Begby E.** *Prejudice. A Study in Non-Ideal Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2021.
- Campbell D.** In Defense of (Some) Online Echo Chambers // *Ethics and Information Technology*. 2023. Vol. 25. No. 3. P. 1–11.
- Fricker M.** *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Gates B.** *The Road ahead*. London: Penguin Books, 1995.
- Lackey J.** Echo Chambers, Fake News, and Social Epistemology // *Epistemology of Fake News* / Eds. by S. Bernecker, A.K. Flowerree, Th. Grundmann. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 206–227.
- Mckenna R.** *Non-Ideal Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2023.
- Nguyen Thi C.** Echo chambers and epistemic bubbles // *Episteme*. 2020. Vol. 17. No. 2. P. 141–161.
- Specter M.** *Denialism: how irrational thinking hinders scientific progress, harms the planet, and threatens our lives*. New York: Penguin Press, 2009.

References

- Bazhanov V. A.** The features of cognitive mechanisms in the information age: echo bubbles and echo chambers // *Filosofskiy zhurnal*. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 152–164. (in Russian)
- Begby E.** From Belief Polarization to Echo Chambers: A Rationalizing Account // *Episteme*. [Online First View]. doi:10.1017/epi.2022.14
- Begby E.** *Prejudice. A Study in Non-Ideal Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2021.
- Campbell D.** In Defense of (Some) Online Echo Chambers // *Ethics and Information Technology*. 2023. Vol. 25. No. 3. P. 1–11.
- Gates B.** *The Road ahead*. London: Penguin Books. 1995.
- Grachev M. N.** Echo chambers, epistemic bubbles and filter bubbles as actors of network communication space // *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvenost'yu*. 2023. No. 29. P. 41–54. (in Russian)
- Fricker M.** *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: Oxford University Press, 2009.

- Lackey J.** Echo Chambers, Fake News, and Social Epistemology // Epistemology of Fake News / Eds. by S. Bernecker, A.K. Flowerree, Th. Grundmann. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 206–227.
- Mckenna R.** Non-Ideal Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2023.
- Nguyen Thi C.** Echo chambers and epistemic bubbles // Episteme. 2020. Vol. 17. No. 2. P. 141–161.
- Specter M.** Denialism: how irrational thinking hinders scientific progress, harms the planet, and threatens our lives. New York: Penguin Press, 2009.
- Wittgenstein L.** Part I // L. Wittgenstein (auth.). Philosophical investigations. Moscow: Gnozis, 1994. P. 74–319 (in Russian)

Информация об авторе

Шевченко Александр Анатольевич, доктор философских наук
Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the Author

Shevchenko Alexander A., Doctor of Sciences (Philosophy)
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

*Статья поступила в редколлегию 13.05.2024;
одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 28.05.2024*

*The article was submitted 13.05.2024;
approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 28.05.2024*